УДК 811.512.156
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-56-66

Ч. С. Цыбенова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия*

tschechek@mail.ru

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ *

Рассматривается психолингвистический аспект исследования языковой ситуации. Основным исследуемым объектом является понятие языкового сознания, которое анализируется как один из лингвокультурных параметров языковой ситуации. На примере образов языкового сознания тувинцев-билингвов изложена процедура исследования, которая включает анализ полученных фрагментов с формально-структурной и концептуально-семантической стороны.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая ситуация, объективные и субъективные факторы, тувинский язык.

В социолингвистике исследование социально-коммуникативной системы предполагает прежде всего анализ функционирования языков, обслуживающих данное этноязыковое сообщество. Синхронный срез их функционального состояния обозначается термином «языковая ситуация». При исследовании языковой ситуации обычно учитывают этнодемографическую и социальную структуру общества, распределение общественных функций взаимодействующих языков, языковую компетенцию носителей языка, характер распространения различных типов двуязычия и др.

Как основополагающее научное понятие языковая ситуация представляет собой многоаспектное явление. Традиционно ее исследование проводится в русле социолингвистической парадигмы и представляет совокупный анализ составляющих его компонентов во взаимосвязи с объективными факторами. Вместе с тем при исследовании языковой ситуации необходимо учитывать и субъективные факторы функционирования языков.

Четкого разграничения между данными факторами не существует. К объективным факторам исследователи относят: этнокультурные, социально-исторические, демографические, экономические и другие условия развития языковой жизни, а к субъективным – ценностные ориентации носителей языка, его привязанность к своей культуре и языку, желание расширить социальные функции своего родного языка, степень национальной терпимости, уровень интернационального воспитания [Дырхеева, 2002. С. 59].

Принципы и приемы исследования объективных факторов на сегодняшний день считаются достаточно разработанными, тогда как субъективные факторы являются менее изученными, и их анализ вызывает определенные затруднения. С развитием антропоцентрической па-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8 («Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language»).

радикалы, в рамках которой развивается современная лингвистика, исследователи все чаще стали обращать внимание на особенности речевого поведения носителей языка, их языковые стереотипы, языковое сознание и т. п. О возросшем интересе к субъективным факторам пишет также А. Н. Биткеева: «Если ранее при изучении этноязыковых процессов исследователи уделяли внимание лишь социально-историческим и культурным проблемам, то характерной чертой исследований последних десятилетий стали такие параметры, как языковые предпочтения этноса, ценностные ориентации и т. д. ... языковой признак занимает ведущее место в субъективной оценке этнообъединительных и этноразделительных функций» [2016. С. 149].

Условно субъективные факторы следует относить к оценочным признакам языковой ситуации. Необходимость исследования оценочных признаков отмечается многими исследователями. Так, Л. Л. Аюпова и Э. А. Салихова полагают, что подобный анализ необходим для выяснения отношения индивидов или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [2007. С. 17].

Как указывают бурятские исследователи, традиционный анализ внешних детерминирующих факторов имеет ограниченные эвристические и экспланаторные возможности. Поэтому одновременно с ними следует рассматривать и внутренние, психолингвистические факторы, способствующие выявлению условий и механизмов сохранения или исчезновения малых языков [Дашинимаева и др., 2010. С. 12].

В советский период развития социолингвистики одним из первых на субъективные признаки языковой ситуации указывал А. Д. Швейцер. Развивая идеи своих предшественников, он выделял, что в определение языковой ситуации следует включить указание и на ее субъективный аспект, который рассматривает ценностные ориентации членов языкового коллектива [2009. С. 133].

В свете антропоцентрической парадигмы, развивающейся в рамках современной лингвистики, положение А. Д. Швейцера о социальном престиже языка, который «отражает установки коллектива в отношении языка и лежащую в основе этих установок ценностную ориентацию» [Там же. С. 143–144], для своего времени следует считать передовым.

В отечественном языкознании под оценочными (аксиологическими) параметрами исследования языковой ситуации понимают внешние и внутренние оценки идиом, т. е. «оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д.» [ЛЭС, 1990. С. 617]. Совокупность же внутренних оценок отражает степень «языковой лояльности» данного языкового сообщества, т. е. степень его приверженности к родному языку [Там же].

На данном этапе развития социолингвистики очевидно, что круг оценочных признаков изучения языковой ситуации следует рассматривать немного шире и включать не только языковую лояльность, авто- и гетеростереотипы носителей языка по отношению к различным идиомам, но и остальные лингвокультурные параметры.

Как оценочный или лингвокультурный параметр языковой ситуации следует рассматривать и образы языкового сознания. Образы языкового сознания сегодня широко изучаются на примере многих малых национальных языков Сибири (см. [Дырхеева, 2002; Журавель, 2015; Иванова, 2012] и др.). Например, Г. А. Дырхеева изучает образы языкового сознания бурят-билингвов с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Собранный ею материал позволяет проводить сравнительные исследования, отслеживать изменения в уровне стереотипности реакций, выявлять силу влияния национального языкового кода и т. д. [Дырхеева, 2002; Дашинимаева и др., 2010. С. 98–116].

Подробную методику исследования этнического языкового сознания на материале современного калмыцкого языка предлагают В. Н. и В. И. Мушаевы. Экспериментальное исследование этноязыковых стереотипов калмыцкого и русского языкового сознания авторы проводят с опорой на свободный ассоциативный эксперимент. Они поднимают ряд проблем, связанных с отбором материала, формированием словника, адекватностью перевода и интерпретацией полученных ассоциативных полей [Мушаев, Мушаева, 2016].

В современной лингвистике термин «языковое сознание», как правило, используется в психолингвистических исследованиях. Изучение особенностей языкового сознания, в частности его культурной и национальной обусловленности, в целом является не только актуальным, но и достаточно сложным. Поэтому единого толкования термина «языковое сознание» в психолингвистике нет. Наиболее распространены следующие точки зрения.

Согласно концепции Московской психолингвистической школы под языковым сознанием принято понимать совокупность образов сознания овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2000. С. 26]. Образы языкового сознания также могут быть доступны для стороннего наблюдателя через предметы и действия [Тарасов, 1996. С. 17].

Г. В. Ейгер предлагает определение языкового сознания как одного из видов обыденного сознания, которое является «механизмом управления речевой деятельностью. Языковое сознание формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы» (цит. по: [Нечаева, 2010. С. 98]).

А. А. Леонтьев понимает под языковым сознанием совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками (цит. по: [Уфимцева, 2003. С. 103]). Он также указывает, что определение «языковой» приводит в заблуждение многих исследователей, и утверждает, что к языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет [Леонтьев, 1993. С. 17].

Мнение А. А. Леонтьева разделяют и другие исследователи. Например, З. Д. Попова и И. А. Стернин, рассматривая определение представителей Московской психолингвистической школы, указывают, что в этом определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, которые представляют собой не одно и то же. Они пишут: «Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание... в языке для функционирования не нуждается. Что касается овнешнения сознания языком, то это бесспорный факт, делающий сознание доступным для наблюдения и обеспечивающий саму возможность обмена информацией в обществе, не может свидетельствовать о наличии некоторого особого языкового сознания – овнешняется просто “сознание”, которое не приобретает при этом какого-либо особого “языкового” статуса» [Попова, Стернин, 2002. С. 19].

Таким образом, З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают более узкий, психологический подход к сущности понятия «языковое сознание», под которым предлагают понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании [Там же. С. 20], т. е. психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека.

Поэтому многие исследователи выделяют психологический и лингвистический подходы к понятию «языковое сознание». Так, Е. Ф. Нечаева отмечает, что различные трактовки языкового сознания не взаимоисключают друг друга, «они лишь демонстрируют взгляд на проблему с различных сторон: психологической и лингвистической» [2010. С. 99]. По мнению И. В. Приваловой, «это различный взгляд на природу взаимопереходного соотношения суперзнаковой и знаковой сущностей в отражательных процессах» [2009. С. 114].

Вместе с тем большинством исследователей признается национально-культурная обусловленность языкового сознания. Так, в одном из первых определений написано: «Сознание языковое – особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившее его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка» [Ахманова, 1966. С. 188].

Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности рассматривает Н. В. Уфимцева. По ее мнению, «культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной» [2003. С. 102]. Она полагает, что полученный с помощью ассоциативного эксперимента ассоциативный тезаурус является моделью сознания и представляет собой набор правил, необходимых для оперирования знаниями опреде-

ленной культуры. Исследователь также отмечает, что образы языкового сознания – это не только средство познания чужой культуры, но и средство познания своей культуры [Там же. С. 103].

Этнолингвокультурную особенность языкового сознания выделяет и И. В. Привалова. Она полагает, что язык и культуру можно рассматривать как взаимокompенсаторные единства, которые не могут существовать каждый по отдельности. Поэтому язык отражает образ жизни, менталитет, национальный характер, культурные установки и ценности народа. Исследователь пишет: «Язык, сознание, культура и этнос находятся в детерминационной зависимости и образуют этнолингвокультурное сознание – единое целое, где одно не может существовать без другого. Язык и культура – это формы сознания языковой личности, принадлежащей определенному этническому сообществу, где находит отображение национальный образ мира» [2009. С. 116–117].

Таким образом, как сложное и многоаспектное явление языковое сознание может рассматриваться во многих ракурсах. Его национальная и, шире, этносоциокультурная предопределенность позволяет исследовать его и в контексте социалингвистики, в частности как ценностный, лингвокультурный параметр языковой ситуации.

Анализ образов языкового сознания как одного из лингвокультурных компонентов языковой ситуации был предпринят нами и в рамках социопсихалингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва, проведенного в 2009–2010 гг. Ассоциативный эксперимент был включен в качестве одного из заданий в комплексный опросник из 27 вопросов. Основной целью эксперимента было получение и соотнесение «русского» и «тувинского» ассоциативных полей, а также изучение этих массивов в корреляции с уровнем языковой компетенции. Предполагалось, что такой анализ позволит проследить опосредованную картину взаимодействия и взаимовлияния тувинского (родного) и русского (второго) языков на когнитивном уровне и в определенной степени поможет раскрыть степень сформированности у тувинцев билингвального языкового сознания.

Необходимо отметить, что массовый ассоциативный эксперимент на основе выработанного списка слов-стимулов на тувинском материале еще не проводился, нет ассоциативного словаря тувинского языка. Данные, полученные в ходе нашего исследования, представляют собой первый опыт получения и интерпретации материалов. Учитывая то, что эксперимент в указанном исследовании был направлен прежде всего на получение общих представлений о языковой картине мира, о языковом сознании тувинцев, был составлен список из 51 слова-стимула. С целью дальнейшего сопоставления и сравнения данных стимулов в список были включены знаменательные слова разных частей речи (имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы), относящиеся к различным тематическим группам (цветообозначение, стороны света, животные, числа, объекты природы, родной очаг, абстрактные явления, человек, виды деятельности, сакральные объекты, традиционные занятия).

Таким образом, исходя из общей цели комплексного исследования, было обработано по 100 анкет на тувинском и русском языках независимо от половозрастных и социальных характеристик респондентов (всего 200 анкет), так как предполагается, что принадлежность к определенному языку, народу, одной культуре делает центр ассоциативного поля достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяющимися [Швец, 2005. С. 13]. В итоге по всему массиву получено 3 664 разных реакций, из них на русском – 2 154, на тувинском – 1 510.

Далее обработанные ассоциативные поля были проанализированы по формально-структурному и концептуально-семантическому параметрам. Формально-структурная оценка проводилась по следующим критериям: стратегии ассоциирования, уровень стереотипности и частотность реакций. Концептуально-семантический анализ предполагал изучение семантического объема ассоциативных пар, их соответствие культурным константам, выявление в них национально-культурной информации. Были сделаны следующие выводы.

По типам ассоциативных связей реакции были распределены согласно общепринятой классификации на контрастивные (реакции, основанные на противопоставлении по какому-либо признаку), координированные (реакции, основанные на сходстве по какому-либо признаку), синтагматические (реакции, основанные на соположении элементов, построении минимального контекста) и смежные (реакции, основанные на ситуативной смежности объ-

ектов) [Завьялова, 2001. С. 65]. Кроме этого, материал исследования показал необходимость выделения межъязыковых реакций, определяемых как переводные эквиваленты в ассоциациях [Лещенко, 2006. С. 54].

Обработка полученного массива показала незначительную разницу между ответами-реакциями в русском и тувинском полях (табл. 1).

Таблица 1

Доля реакций по типам ассоциативных связей, %

Тип связи	По-русски	По-тувински
Синтагматические	42,0	56,2
Координированные	22,1	23,9
Смежные	28,7	16,9
Контрастивные	2,6	2,0
Межъязыковые	3,5	0
Нулевые	1,0	1,1

Наибольшую долю составили синтагматические отношения (*конь* → красивый, *три* → поросенка; *ногаан* 'зеленый' → *сиген* 'трава', *ак* 'белый' → *сут* 'молоко'), наименьшую – контрастивные (*ак* 'белый' → *кара* 'черный', *ай* 'луна' → *хун* 'солнце'). При этом несколько иная картина наблюдается при координированном и смежном типах связи: в русском материале на втором месте по количеству ассоциаций по смежности (*конь* → скакун, *отара* → бараны), а в тувинском – координированные (*тайга* 'тайга' → *арга* 'лес', *чодураа* 'черемуха' → *кат* 'ягода / плоды'). Отсюда можно предположить, что русским (вторым) языком как кодом тувинцы-билингвы владеют хорошо.

Особо следует выделить межъязыковые реакции, которые в русском массиве встречаются вдвое больше: 76 реакций на тувинском языке с общей частотностью 98. Данные слова-реакции в основном представляют тувинский перевод русского слова-стимула: *лама* → *баишкы* 'учитель', *шаман* → *хам* 'шаман'. С одной стороны, можно предположить, что высокая доля переводных эквивалентов связана с недостаточно высоким уровнем владения русским языком тувинцами-билингвами. С другой стороны, специалисты считают, что наличие переводных эквивалентов в ассоциациях показывает взаимовлияние языков в сознании билингвов [Завьялова, 2001. С. 65]. Поэтому наличие межъязыковых реакций, вероятнее всего, объясняется влиянием тувинского (родного) языка, которым, согласно социолингвистической части опросника, респонденты владеют намного лучше, чем русским.

При обработке результатов также были учтены нулевые реакции, т. е. реакции-отказы. В частотных реакциях данный тип связи преобладает в тувинском массиве (30 реакций). Анализ по всему массиву показал, что нулевые реакции в основном единичны или малочастотны, но чаще встречаются со стимулами, относящимися к традиционным видам деятельности и культуре тувинцев (например: *чылгы* 'табун', *аът* 'конь', *өг* 'юрта', *сүрүг* 'отара', *эът* 'мясо', *хөөмей* 'горловое пение'), а также к абстрактным именам существительным (например: *хосталга* 'свобода', *чүдүлге* 'религия', *хүндүткел* 'уважение', *чуртталга* 'жизнь', *үе* 'время', *биче сеткил* 'милосердие').

Очевидно, это можно объяснить образом жизни современных тувинцев, которые всё больше отходят от традиционных видов хозяйствования, и спецификой самих стимулов. Например, на абстрактные имена в условиях эксперимента, возможно, не сразу удастся реагировать, поскольку абстракция представляет собой более сложный когнитивный процесс, для вербализации которого необходимы сознательные усилия, следовательно, больше времени.

Другим важным показателем для выявления особенностей языкового сознания является уровень стереотипности реакций, который вычисляется по формуле: $R = N/\Sigma$, где N – число разных реакций, а Σ – общее количество реакций на данное слово-стимул. Считается, что чем меньше значение R , тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово [Уфимцева, 1983. С. 151].

По данному показателю выявлено, что в сознании респондентов русские и тувинские образы актуализируются достаточно дифференцированно. Однако образы универсальных объектов природы, непреходящих человеческих ценностей совпадают или имеют незначительные расхождения: *небо* / *дээр* – ср. 0,25 и 0,22 (на русском и тувинском языках соответственно); *солнце* / *хун* – ср. 0,3 и 0,33; *родина* / *төрээн чурт* – ср. 0,35 и 0,36. Отмечено, что расхождения могут быть связаны и с особенностями структуры языка. Например, стимулы *ада* ‘отец, папа’ (0,26) и *отец* (0,54) достаточно отдалены друг от друга. В данном случае реакции на тувинском языке были выражены парными словами: *ада-ие* ‘родители’, *ада-өгбе* ‘предки’, *ада-чурт* ‘родина’. Эти данные в определенной степени указывают на то, что ядро языкового сознания респондентов на тувинском языке стабильное и упорядоченное, а на русском неустойчивое и динамичное. Динамичность «русского» языкового сознания, вероятно, свидетельствует о том, что процесс освоения русского языка как кода у тувинцев не закончен, а активно продолжается.

Распределение реакций по частотности выявило следующие особенности: 1) ядро большинства тувинских полей высокочастотно, т. е. стандартно, стереотипно для подавляющего большинства респондентов; 2) наибольшее число единичных, периферийных реакций содержится в ассоциативных полях на русском языке; 3) по содержательному наполнению поля на русском языке за счет малочастотных и единичных реакций разнообразнее, а тувинские более однообразные.

Так, на примере ассоциативного поля «Семь / Чеди» можно проследить неоднородность ядерного и периферийного слоев сопоставляемых массивов на русском и тувинском языках (табл. 2).

Таблица 2

Содержание ассоциативного поля «Семь / Чеди»

Поле	На русском языке	Поле	На тувинском языке
Семь (40)	(Счастливое, священное) число (18); дней, цветов радуги / радуга (7); восемь (6); гномов / гномиков, удача (5); цифра, дни недели / неделя (4); сердец, звезд, раз отмерь / раз отрежь (3); чудес, козлят, человек, лет, богатырей, <u>Чеди-Хаан сылдыс</u> ‘ <u>Большая Медведица</u> ’ (2)	Чеди (17)	Хаан сылдыс ‘ <u>Большая Медведица</u> ’ (56); сан ‘ <u>число</u> ’ (13); сылдыс ‘ <u>звезда</u> ’ (8); чүзүн ‘ <u>мастей</u> / <u>пород</u> / <u>разновидностей</u> ’ зд. о видах скота (4); Хөл ‘ <u>Чеди-Холь</u> ’ зд. лимноним (3); сес ‘ <u>восемь</u> ’, өң ‘ <u>цвет</u> ’, меге ‘ <u>хитростей</u> ’, чедишкин ‘ <u>успех</u> ’, челээш ‘ <u>радуга</u> ’ (2)
	Ответ, детей, братьев, утро, пекарей, тысяч, жизней, сказка, счастье, цветов, королей, медведица, дед, верст, друзей, единиц, пескарей, духи, семья, седьмой отряд, мечей три		Эртине ‘ <u>драгоценность</u> ’, <u>чудес света</u> , паш ‘ <u>котел</u> ’, хонук ‘ <u>дней</u> ’, неделя ‘ <u>неделя</u> ’, алышкы ‘ <u>братьев</u> ’

Как видим, разных реакций на русском языке N_R получено 40, на тувинском N_T – 17. Самая частотная реакция ($R_{\max}$) для стимула на тувинском языке – 56, на русском – 18. В данном случае 56 из 100 респондентов ассоциировали стимул *чеди* ‘семь’ с реакцией *Хаан сылдыс* ‘Большая Медведица’. Отметим, что образ, связанный с созвездием Большой Медведицы, носит сакральный характер и встречается в мифологии и устном народном творчестве у многих народов.

По всему массиву на долю подобных полей, где разных реакций на тувинском языке получено мало ($N_T < N_R$), но по частотности реакции, составляющие ядро поля, полновеснее русских ($R_{\max T} > R_{\max R}$), приходится около 70 %. По мнению И. Г. Овчинниковой, ассоциации, регулярно возникающие у многих индивидов, рассматриваются как стандартные или стереотипные. Стереотипные ассоциативные связи представляют собой «способ закрепления (автоматизации) прошлого опыта – как речевого, так и когнитивного. Непроизвольность стереотипных ассоциаций отражает сформированный автоматизм установления связи» [Овчинни-

кова, 2002. С. 16–17]. Кроме того, стереотипные ассоциации можно рассматривать в качестве критерия сформированности как когнитивной деятельности, так и критерия инерционности мышления [Там же. С. 17]. Такие показатели, как уровень языковой лояльности тувинцев (по итогам Переписи 2002 г. – 98,5 %), уровень их языковой компетенции (по итогам нашего исследования – 97,8 %), упорядоченность, стабильность, высокочастотность ассоциативных полей на тувинском языке также свидетельствуют, что тувинский (родной) язык как код закреплён лучше, чем русский.

Для концептуально-семантического анализа полученных ассоциативных полей была отобрана лексико-семантическая группа цветообозначений (*белый / ак, черный / кара, желтый / сарыг, зеленый / ногаан, голубой / ак-көк, красный / кызыл*). Всего на стимулы-цветообозначения получено 407 разных реакций: 247 на русском языке, 160 на тувинском. Анализ семантического содержания позволил выявить некоторые универсальные и специфические стороны цветообозначений.

Так, универсальными следует назвать:

1) суперординатные реакции. По мнению А. А. Залевской, они возникают тогда, когда испытуемые идентифицируют значение исходного слова через подведение его под более общее понятие [1988. С. 38–40]. В частности, выделяется реакция *цвет / өң: кара* ‘черный’ → *өң* ‘цвет’, *желтый* → цвет и др.;

2) реакции, связанные с универсальностью цветовых сигналов (*черный / кара, красный / кызыл*). Как указывает Ф. Н. Новиков, специфика восприятия цвета помимо культурного кода может отражать безусловную психическую реакцию человека [Новиков, 2011. С. 68]. Например: *черный* → ночь, мрак, темно / темнота, тьма; *красный* → кровь, огонь, страх, нелзя, стоп, тревога; *кара* ‘черный’ → *дүн* ‘ночь’, *дүмбей* ‘тьма’; *кызыл* ‘красный’ → *от* ‘огонь’, *өрт* ‘пожар’, *демисел* ‘борьба’ и др.;

3) прототипические реакции (по А. Вежбицкой), которые представляют собой явления живой и неживой природы, окружавшей человека с самого начала его культурно-исторического развития, и составляют ядро семантического пространства цвета, которые в разных культурах содержат схожие значения (см. [Кудрина, Мещеряков, 2011. С. 6–7]). В нашем эксперименте это: *небо / дээр, река / хем, солнце / хун, лес / арга, растения / ыт, трава / сиген, ночь / дүн, свет / чырык*. Во всех указанных случаях адекватное отражение семантического содержания реакций на тувинском и русском языках рассматривать как совпадение двух языковых систем в языковом сознании билингвов спорно.

При этом эксперимент также подтверждает, что языковое выражение и концептуализация образов во многом национально обусловлены. Так, исходные цветообозначения довольно часто актуализируют в сознании респондентов реакцию *кадак / шелковая лента*, которая встречается и в русском, и тувинском ассоциативных полях. *Кадак* представляет собой отрез шелковой ткани, похожий на шарф, предназначенный для специальных целей в буддийских ритуалах и обрядах, преподносится почетным гостям, людям в знак уважения, бывает разных цветов.

Эксперимент также подтверждает, что кроме культурной специфики на концептуализацию окружающей действительности влияет система родного языка билингва и его структурные особенности. Так, цветообозначения служат одним из средств словообразования тувинского языка, в частности антропонимов (*Сарыг-оол, Ногаан Дарийги*) и топонимов (*Ак-Туруг, Ак-Хем, Кара-Даг, Кара-Хаак, Сарыг-Сеп, Ногаан-Холь, Кызыл-Тайга, Кызыл-Арыг, Кызыл хоорай*). В условиях ассоциативного эксперимента появление данной лексической группы только в «тувинском» языковом сознании и ее отсутствие в «русском» является свидетельством того, что фактор специфики языка играет немаловажную роль.

Относительно проведенного исследования следует заключить, что билингвальное языковое сознание у тувинцев окончательно не сформировано. Результаты формально-структурного анализа говорят о том, что русский язык как код заложен и закреплён в речевых механизмах тувинцев-билингвов. Однако характер семантического наполнения ассоциативных полей на русском языке, их фрагментарность свидетельствуют, что экспликация концептов русской культуры затруднена и во многом зависит от индивидуального опыта респондента. Поэтому следует говорить о том, что процесс активного освоения русского языка тувинцами продолжается.

Исследование также демонстрирует, что константы родной культуры и образы, связанные с ним, у современных тувинцев пока устойчивы, традиционные этноязыковые стереотипы сохраняются. При этом на образы языкового сознания определенный отпечаток накладывают знания, полученные в ходе социализации индивида. Отметим, что эти знания пополняются и трансформируются в процессе межкультурного взаимодействия. Таким образом, языковое сознание как лингвокультурный параметр языковой ситуации позволяет проследить случаи смешения языков, выявить их системно-структурные особенности и языковые стереотипы этнического сознания. Наряду с результатами социолингвистического анализа образы языкового сознания представляют собой надежный источник для выявления уровня владения тем или иным языком, также является богатым материалом для изучения речемыслительной деятельности как индивидуального, так и коллективного бессознательного.

Список литературы

- Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // Вестн. ВЭГУ. 2007. № 29–30. С. 14–23.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- Биткеева А. Н. Родной язык в контексте многонационального государства // Вестн. Калм. инст. гум. исслед. 2016. Вып. 5. С. 146–160.
- Дашинимаева П. П., Дырхеева Г. А., Жалсанова Ж. Б., Хилханова Э. В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект: Монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.
- Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 187 с.
- Журавель Т. Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: Дис. ... канд. филол. наук / Сиб. федеральный ун-т. Красноярск, 2015. 171 с.
- Завьялова М. В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 60–85.
- Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихоллингвистика. М., 1988. С. 34–48.
- Иванова Н. И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2012. 130 с.
- Кудрина А. В., Мещеряков Б. Г. Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 1. URL: <http://www.psyanima.ru> (дата обращения 01.04.2016).
- Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Ин-т языкознания РАН. М., 1993. С. 16–21.
- Лещенко Е. Ю. Становление лексикона билингва (по данным ассоциативного эксперимента): Дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. 207 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
- Мушаев В. Н., Мушаева В. И. Исследование этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка) // Вестн. Калм. ин-та гум. исслед. 2016. Вып. 4. С. 68–74.
- Нечаева Е. Ф. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 98–101.
- Новиков Ф. Н. Кумулятивная функция цветообозначения как элемента культурного кода // Вестн. ЦМО МГУ. Серия: Культурология. 2011. № 2. С. 67–72.
- Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: Дис. ... д-ра филол. наук / СПб. гос. ун-т. СПб., 2002. 382 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 9–50.

Привалова И. В. Языковое сознание как этнокультурный феномен // Система языка и языковое мышление. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 113–119.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1996. С. 7–22.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.

Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики: Сб. науч. ст. / Под ред. А. А. Леонтьева, А. М. Шахнарович. М.: Наука, 1983. С. 140–180.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблема, методы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 176 с.

Швец А. В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 20 с.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2018

Chechek S. Tsybenova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhianova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation*

tshechek@mail.ru

LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE STUDY OF A LANGUAGE SITUATION

The article deals with the psycholinguistic aspect of the language situation. The main object of the article is the term «linguistic consciousness» considered as a linguocultural component of the language situation. The author analyses the specific features of linguistic consciousness of the modern bilingual Tuvans. Two levels of analysis are presented: structural and conceptual.

Keywords: linguistic consciousness, language situation, objective and subjective factors, the Tuvan language.

References

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1966, 608 p. (in Russ.)

Ayupova L. L., Salikhova E. A. Rol' yazykovoj kompetentsii i tsennostnykh orientatsij individov pri opisaniy yazykovoj situatsii [The role of personal language competence and valuable orientations for describing of a language situation]. *Vestnik VEGU*, 2007, no. 29–30, p. 14–23. (in Russ.)

Bitkeeva A. N. Rodnoj yazyk v kontekste mnogonatsional'nogo gosudarstva [Mother Tongue in the context of a polyethnic country]. *Vestnik Kalm. inst. gum. issled.*, 2016, iss. 5, p. 146–160. (in Russ.)

Dashinimaeva P. P., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova Zh. B., Khilkhanova E. V. Buryatsko-russkij bilingvizm: psikholingvisticheskiy aspekt [The Buryat-Russian Bilingualism: psycholinguistic aspect]. Monograph. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2010, 166 p. (in Russ.)

Dyrkheeva G. A. Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya [The Buryat language in the bilingual conditions: problems of functioning and perspectives of development]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2002, 187 p. (in Russ.)

Ivanova N. I. Sovremennoe kommunikativnoe prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiopsiholingvisticheskiy aspekt [Modern communicative area of the Russian language

in the Republic of Saha (Yakutiya): sociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2012, 130 p. (in Russ.)

Kudrina A. V., Meshcheryakov B. G. Semantika sveta v raznykh kul'turakh [The semantic of colours in different cultures]. *Psikhologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»* [Psychological journal of the international university of nature, society and people], 2011, no. 1. URL: <http://www.psyanima.ru>. (in Russ.)

Leontiev A. A. Yazykovoe soznanie i obraz mira. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1993, p. 16–21. (in Russ.)

Leshchenko E. Yu. Stanovlenie leksikona bilingva (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [A formation of bilinguals lexicon (on the data of associative experiment)]. Thesis ... candidate of linguistics. Perm, 2006, 207 p. (in Russ.)

Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1990, 685 p.: ill. (in Russ.)

Mushaev V. N., Mushaeva V. I. Issledovanie etnicheskogo yazykovogo soznaniya i assotsiativnyj eksperiment (na materiale kalmytskogo yazyka) [A case study of ethnic linguistic consciousness and an associative experiment (evidence from the Kalmyk languages)]. *Vestn. Kalm. inst. gum. issled.*, 2016, iss. 4, p. 68–74. (in Russ.)

Nechaeva E. F. Chto govoryat o yazykovom soznanii slova-parazity (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [What says about linguistic consciousness filler words (on the material of Russian and French)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2010, no. 1, p. 98–101. (in Russ.)

Novikov F. N. Kumulyativnaya funktsiya svetooboznacheniya kak elementa kul'turnogo koda [Cumulative function of colour naming words as an element of cultural code]. *Vestnik CMO MGU. Seriya: Kul'turologiya*, 2011, no. 2, p. 67–72. (in Russ.)

Ovchinnikova I. G. Assotsiativnyj mekhanizm v rechemyslitel'noj deyatel'nosti [Associative mechanism in the speech and cognitive activity]. Thesis ... doctor of linguistics. St. Petersburg, 2002, 382 p. (in Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i soznanie: teoreticheskie razgranicheniya i ponyatijnyj apparat [Language and consciousness: theoretical differentiation and conceptual framework]. *Yazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness. Theoretical and methodological questions]. Voronezh, VSU Press, 2002, p. 9–50. (in Russ.)

Privalova I. V. Yazykovoe soznanie kak etnokul'turnyj fenomen [Linguistic consciousness as ethnocultural phenomenon]. *Sistema yazyka i yazykovoe myshlenie* [Language system and language thinking]. Moscow, Librokom Publ., 2009, p. 113–119. (in Russ.)

Shvejtser A. D. Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problema, metody [Modern sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 176 p. (in Russ.)

Shvets A. V. «Naivnoye literaturovedeniye» v leksikone yazykovoy lichnosti [«Naive study of literature» in the lexicon of a language personality]. Synopsis of the thesis ... candidate of linguistics. St. Petersburg, 2005, 20 p. (in Russ.)

Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual problems of linguistic consciousness analyze]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and worlds image]. Selected works. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000. (in Russ.)

Tarasov E. F. Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication – a new ontology of linguistic consciousness analyze]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural features of linguistic consciousness]. Selected works. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 1996, p. 7–22. (in Russ.)

Ufimtseva N. V. Opyt eksperimental'nogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [The case of experimental study of the words meaning development]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic problems of semantics]. Selected works. Ed. by A. A. Leontiev, A. M. Shakhnarovich. Moscow, Nauka, 1983, p. 140–180. (in Russ.)

Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie kak otobrazhenie etnosotsiokul'turnoj real'nosti [Linguistic consciousness as a display of ethnosociocultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2003, no. 1, p. 102–111. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Nekotorye proyavleniya spetsifiki yazyka i kul'tury ispytuemykh v materialakh assotsiativnykh eksperimentov [Some specific peculiarities of the examinee's language and

culture in the materials of associative experiments]. *Etnopsikholingvistika*. Moscow, 1988, p. 34–48. (in Russ.)

Zaviyalova M. V. Issledovanie rechevykh mekhanizmov pri bilingvizme (na materiale associativnogo eksperimenta s litovsko-russkimi bilingvami) [The investigation of the bilingual speech mechanisms (on the case of associative experiment with the Lithuanian-Russian bilinguals)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2001, no. 5, p. 60–85. (in Russ.)

Zhuravel T. N. Etnoyazykovaya situatsiya v Usinskoj doline Krasnoyarskogo kraya [Ethnolinguistic situation in Usinsk valley of the Krasnoyarsk region]. Thesis ... candidate of linguistics. Krasnoyarsk, 2015, 171 p. (in Russ.)

For citation:

Tsybenova Chechek S. Linguistic Consciousness in the Study of a Language Situation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 56–66. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-56-66